

В.А.Томсинов

**Воспитание юристов
в императорском
Училище правоведения**

Опубликовано:

Концепция правового воспитания российского общества.
Коллективная монография / Под ред. В.В. Сорокина и А.А.
Васильева. Барнаул: Азбука, 2014. С. 26–58.

Императорское училище правоведения открылось в 1835 году и просуществовало до 1918 года. Это было необычное для России высшее учебное заведение, отличавшееся своей организацией, учебной программой и духовной атмосферой, как от юридических факультетов императорских российских университетов, так и от лицеев. Оно предназначалось для подготовки судебных деятелей, обладающих не только необходимыми для этой профессии знаниями, но и способностью беззаветно служить закону и целям правосудия. Вся система обучения в Училище направлялась поэтому на выработку практических навыков юридической деятельности, а не мышления, свойственного ученым правоведам. У воспитанников, имевших склонность к занятиям наукой, мало было стимулов вырабатывать у себя способности к научным исследованиям: они ведь знали, что при любых успехах на этом поприще их определят по окончании учебы на бюрократическую службу.

К этому добавлялось и другая немаловажная особенность императорского Училища правоведения: обучение юридическим наукам и навыкам ведения судебного делопроизводства соединялось в нем с воспитанием у молодых людей душевных, нравственных качеств, соответствующих судебной деятельности. Оно призвано было действовать одновременно и как учебное, и как воспитательное учреждение.

Инициатором создания императорского Училища правоведения стал сын дочери императора Павла I великой княгини Екатерины Павловны от брака с принцем Георгием Петровичем Ольденбургским¹ принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

В 1835 году это был совсем еще молодой человек. Он появился на свет в Ярославле в разгар Отечественной войны – 14 августа 1812 года. Судьба оказалась немилосердной к мальчику: по ее прихоти он еще

¹ Принц Георгий Ольденбургский (полное имя: Петр-Фридрих-Георг Гольштейн-Ольденбургский, 1784–1812) был сыном виртембергской принцессы Фредерики, родной сестры супруги императора Павла I Марии Федоровны и Петра-Фридриха-Людвига Ольденбургского.

в детстве лишился обоих родителей. 15 декабря 1812 года умер его отец принц Георгий Ольденбургский, занимавший в то время пост генерал-губернатора Тверского, Ярославского и Новгородского.

В январе 1816 года великая княгиня Екатерина Павловна вышла замуж за наследного принца Вюртембергского Вильгельма, который 30 октября того же года он стал королем Вюртемберга Вильгельмом I. Принц Петр вместе с матерью и своим старшим братом Александром переехал в столицу княжества Штутгарт. 29 декабря 1818 года Екатерина Павловна умерла, и в следующем году принцы были отправлены в Ольденбург, под покровительство своего деда Петра-Фридриха-Людвига.

Великий герцог Ольденбургский постарался, чтобы его внуки получили хорошее образование. Они изучали все обычные для гимназической учебной программы науки, но при этом особое внимание уделяли иностранным языкам, как древним, так и новейшим, литературе, европейской и русской истории. Принц Петр прошел в дополнение и курс обучения юриспруденции, по программе юридического факультета германского университета. Лекции по юридическим наукам читал ему директор канцелярии великого герцога Ольденбургского тайный советник Христиан-Людвиг-Рунде².

Вскоре после того, как Петру Ольденбургскому исполнилось восемнадцать лет, он получил от своего дяди императора Николая I приглашение поступить на русскую службу. Принц принял это приглашение и 12 ноября 1830 года покинул родовое гнездо своего отца. Оказавшись в столице Российской империи, он снова взялся за учебу. 25 мая 1831 года Петр Ольденбургский начал слушать лекции по русскому праву академика К.И. Арсеньева. В дополнение к этому он самостоятельно изучил российское государственное устройство, историю управления в России, начиная с царствования Петра I до середины XIX века, полную историю русского законодательства, историю Правительствующего Сената с описанием сфер его ведения и другие предметы.

² См.: Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Ко дню пятидесятилетия императорского Училища правоведения. Составил А. Папков, бывший воспитанник Училища. СПб., 1885. С. 56–57.

Много внимания уделял принц П.Г. Ольденбургский и русской литературе. Произведения лучших русских писателей, в особенности, А.С. Пушкина, находившегося тогда в зените своей славы, стали его настольными книгами. В 1834 году Петр Георгиевич самолично перевел на французский язык повесть Пушкина «Пиковую даму»³.

23 апреля 1834 года император Николай I повелел своему племяннику-принцу присутствовать в Сенате⁴. Должность сенатора позволила Петру Георгиевичу ближе познакомиться с действительным состоянием государственных канцелярий и судебных органов Российской империи. И первое, что он там заметил, это вопиющий недостаток людей, специально обученных к судебной деятельности, — недостаток, без исправления которого невозможно было хоть как-то улучшить ее качество.

Главный способ решения данной проблемы был очевиден: это в первую очередь создание специального учебного заведения для подготовки судебных деятелей. Именно таким способом в России в начале XIX века пытались улучшить работу канцелярий и судов. Однако Высшее Училище правоведения, учрежденное в 1805 году, не получило развития. Спустя несколько лет оно прекратило свою деятельность, а в 1816 году и вовсе было закрыто⁵. Принц П. Г. Ольденбургский решил возродить идею Училища правоведения на новых основаниях.

26 октября 1834 года он обратился к своему венценосному дяде — императору Николаю I со следующим письмом:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивейший Государь!

Безмерное благоснисхождение, коим Ваше Императорское Величество соизволили удостоить верноподданническое донесение

³ Биограф принца П.Г. Ольденбургского А. Папков обнаружил в его архиве тетрадь с надписью «Pouschkine. La dame de Pique, traduit par M. le Prince Pierre d' Oldenbourg, 1834» (см.: Там же. С. 68).

⁴ По желанию принца П.Г. Ольденбургского, все деньги, причитавшиеся ему в качестве жалованья по должности сенатора, были распределены между мелкими и нуждающимися чиновниками сенатской канцелярии. Обязанности члена Правительствующего Сената он исполнял до 17 февраля 1838 г., и был освобожден от них по его собственной просьбе.

⁵ См. об этом училище в издании: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2011. С. 106–108.

мое от 4 сентября, внушает мне смелость повергнуть к Августейшим стопам Вашим всенижайшую мою просьбу. Всемиловитейшее назначение присутствовать в Правительствующем Сенате, приемлемое драгоценным знаком отеческого обо мне попечения Вашего, постоянно доставляет мне случай вникнуть ближайшим образом в порядок и ход гражданского делопроизводства. Недостаток образованных и сведущих чиновников в канцеляриях судебных мест составляет, неоспоримо, одно из важнейших неудобств, препятствующих возвести часть сию на ту степень благоустройства, на которой Ваше Императорское Величество желаете поставить все отрасли управления. Учебные заведения, существующие ныне, не удовлетворяют сей потребности государства. Молодые люди, получив в оных образование на собственный счет и потому пользуясь свободою избирать род гражданской службы, обыкновенно стремятся в министерские департаменты, где и виды честолюбия, и способы содержания более льстят их надеждам. По прошествии нескольких лет, они перемещаются в высшие звания по судебным и исполнительным местам, и, таким образом, минуют канцелярские должности, не получив надлежащего сведения о порядке делопроизводства. Для устройства канцелярий, давно озабочивающего правительство, полагаю необходимым, чтобы улучшение содержания согласовано было с образованием детей, для гражданской службы назначаемых, и чтобы с тем вместе учреждена была правильная для них постепенность в повышении. Убеждение в сих истинах возродило во мне мысль о пользе учреждения особенного Училища правоведения. Многие из опытнейших и усерднейших слуг Ваших помышляли и прежде меня о таком учреждении; но значительные издержки, необходимые для первоначального устройства подобного заведения, могли исполнению сей мысли препятствовать.

Вам, Государь, принадлежит все, что я имею и самая жизнь моя! И если б уделением моего избытка мог я содействовать пользе службы Вашего Императорского Величества, — мог быть полезен родине, к коей привязан душою, то почел бы себя безмерно счастливым. Побуждаемый сими чувствами, я желал бы пожертвовать сумму, потребную на приобретение дома и на первоначальное обзаведение

Училища правоведения. Не дерзая обременять внимание Вашего Императорского Величества подробным изложением тех оснований, на коих может быть учреждено, как заведение сие, так и самое вступление в службу воспитанников онаго, я приемлю смелость повергнуть воззрению Вашего Величества главнейшие предположения и начала:

- 1) В сем заведении молодые русские дворяне, от 12 до 15 лет, кроме знания языков и вспомогательных наук, должны бы, в продолжении 6 лет, преимущественно образоваться в практическом русском правоведении, т. е. в познании на самом опыте канцелярского порядка и форм делопроизводства, в кратком и правильном изложении дел и, наконец, в решении оных, сообразно с законами,
- 2) По окончании курса наук, воспитанники были бы обязаны прослужить шесть лет по ведомству министерства юстиции, начиная оную в канцеляриях, с низших штатных должностей.
- 3) Дабы не подвергнуть сих воспитанников бедствиям нужды и охранить нравственность их от корыстных искушений, надлежало бы, при назначении их в губернии, по причине скудости губернских штатов, определять добавочный оклад, примерно по 700 р. каждому.
- 4) Ежегодный выпуск из числа 150 воспитанников, предназначаемых для сего заведения, может составлять примерно до 20 человек.
- 5) Ежегодное содержание сего заведения, по сделанному мною исчислению, не простиралось бы впоследствии выше двухсот тысяч рублей.

В случае, если бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было удостоить сие предположение Высочайшего соизволения Вашего, то я приступил бы немедленно к составлению проекта и штата. Дозвольте, Всемилостивейший Государь, надеяться, что дерзновение всеподданнейшей просьбы найдет пред Вами оправдание в пламенных чувствах беспредельной благодарности, с коими есмь Вашего Императорского Величества

Подпись (Петр Ольденбургский)»⁶.

⁶ Цит. по: Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. С. 70–73.

Император Николай I передал это письмо М. М. Сперанскому с надписью: «Благородные чувства принца достойны уважения. Прошу, прочитав, переговорить с ним и мне сообщить, как ваши замечания, так и то, что вами с принцем условлено будет»⁷.

Михаил Михайлович поговорил с Петром Георгиевичем и 24 января 1835 года представил государю записку «Специальные училища»⁸, в которой изложил свое мнение о предложении принца Ольденбургского создать в России специальное учебное заведение для подготовки молодых людей к судебной деятельности. «Для судей везде нужны способные и благовоспитанные делопроизводители, — писал он; — у нас они нужнее, нежели где-нибудь: ибо у нас нет и долго еще не будет ни ученых судей, ни ученых адвокатов. Судьи у нас, в нижних и средних местах⁹, избираются из дворян, большею частию военных, а в высших определяются из чинов, также военных и гражданских. И нет причины изменять сей порядок, если бы изменить его и было возможно. При добром делопроизводителе судья, избранный доверием сословия, с здравым смыслом и чистою совестью, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья простоученый. Но тот же избранный доверием судья, при худом производстве, будет прикрывать только собою его пристрастие или невежество.

Университеты наши не могут доставить судебной части добрых делопроизводителей, во-первых, потому что там студенты учатся, а не воспитываются; во-вторых, потому что они выходят и в военную, и в другие роды службы, не были обязаны следовать определенному назначению; то же можно сказать и о лицах; воспитанники их, коих впрочем, и число незначительно, расходятся по всем родам гражданской службы и редко служат по судебной части.

Из сего видно, что учреждение специального училища для судебной части, в коем бы воспитанники теориею и практикою приготовлены были предпочтительно к прохождению сего рода службы, представляет неоспоримую пользу. Возражение, что сим

⁷ Цит. по: Там же. С. 73.

⁸ Оригинал данной записки хранится в фонде 637 (архив К.Г. Репинского) отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ее текст опубликован в журнале «Русская старина» (1885. Том 48. № 12. С. I-IV).

⁹ Так в оригинале.

уменьшится число учащихся в университете, не может быть уважительно, потому что число воспитанников сего училища, по самому составу его, полагается весьма ограниченным: каждый год из него может быть выпускаемо не более как от 20 до 25-ти человек»¹⁰.

В течение последующих четырех месяцев были составлены и обсуждены в Государственном совете проекты учредительных документов для Училища правоведения. 29 мая 1835 года император Николай I издал Именной указ, данный Сенату, в котором говорилось:

«Принц Петр Ольденбургский представил Нам предположения свои о учреждении при Министерстве юстиции Училища правоведения, для образования молодых дворян к гражданской службе по судебной части, вызываясь пожертвовать из собственного своего достояния нужную сумму на приобретение дома для училища и на первое онаго устройство.

Вменяя себя в приятную обязанность воздать справедливость побуждениям, на коих основано предположение принца, и приемля оные доказательством примерного его усердия к общему благу и наследственного ему глубокого чувства любви к Отечеству, Мы поручили рассмотреть составленное им начертание правил предполагаемого заведения Государственному Совету.

Утвердив ныне поднесенный Нам вследствие сего Государственным Советом проект устава Училища правоведения и примерный штат сего заведения на первое трехлетие и препровождая оные в Правительствующий Сенат, для приведения в надлежащее исполнение, *Повелеваем* вместе с тем предоставить принцу, согласно желанию Его, сделать все предварительные приготовления к помещению Училища и начальному онаго устройству»¹¹.

Для размещения Училища правоведения принц Ольденбургский планировал сначала построить роскошное здание на берегу Невы, близ Таврического сада. Был уже начертан план и эскиз фасада этого сооружения, но потом принц, не захотев, по всей видимости, ждать

¹⁰ Императорское Училище правоведения. Записка графа М.М. Сперанского // Русская старина. 1885. Том 48. № 12. С. II-III.

¹¹ Именной указ, данный Сенату, от 29 мая 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8185. С. 655.

открытия Училища несколько лет, решил купить для него трехэтажный дом И.И. Неплюева, расположенный на берегу Фонтанки, напротив Летнего сада (Фонтанка, 6). Обустройство его для Училища правоведения заняло всего несколько месяцев — к концу ноября здание было отремонтировано и приведено в необходимый порядок.

В нем когда-то находился Пажеский корпус, потом проживал герой Отечественной войны 1812 года генерал-фельдмаршал Барклай де-Толли. По возвращении из Сибири в этом доме снимал помещения М.М. Сперанский: его кабинет с огромной библиотекой располагался в месте, где впоследствии была устроена церковь Училища правоведения — во имя Святой Екатерины, названная так в память матери принца Петра Ольденбургского.

В ноябре завершились приемные экзамены в новое учебное заведение. Из 292 участвовавших в них молодых людей было принято в состав Училища 54 юноши: 34 — на казенный и 20 — на собственный счет.

5 декабря 1835 года состоялась торжественная церемония открытия императорского Училища правоведения. Для участия в ней прибыли император Николай I, его сын — цесаревич великий князь Александр Николаевич и брат — великий князь Михаил Павлович. Попечитель Училища принц Петр Георгиевич Ольденбургский встретил знатных гостей у подъезда и вручил государю рапорт о состоянии открывавшегося учебного заведения. После этого они прошли в зал, где стояли в мундирах воспитанники и собрались члены Государственного совета, сенаторы, министры, генерал-адъютанты и другие сановники. Его Величество поприветствовал всех присутствовавших в зале, с некоторыми поговорил. Затем все прошли в церковь Училища правоведения, где протоиерей Бажанов совершил торжественный молебен. Занятия в классах этого учебного заведения начались через день после его открытия — 7 декабря 1835 года.

Литератор и музыкальный критик *Владимир Васильевич Стасов* (1824–1906) обучался в императорском Училище правоведения семь лет, с 1836-го по 1843 год. В воспоминаниях, писавшихся четыре

десятилетия спустя, около 1880 года¹², он представил это учебное заведение в качестве одного из самых удивительных явлений в истории русского образования и показал, какую огромную роль сыграл в его судьбе принц П.Г. Ольденбургский.

«Наше училище, — вспоминал В. В. Стасов, — появилось на свет всего лишь за несколько месяцев до моего поступления, и именно: в декабре 1835 года. История его происхождения — совершенно исключительная и особенная между всеми нашими училищами. Все у нас на Руси, от верху и до низу, хорошо понимали в то время, что одна из самых блестящих наших язв — проклятое чиновничество, прогнившее до мозга костей, продажное, живущее взятками и не находящее в них ровно ничего худого, крючкотворствующее, кривящее на каждом шагу душой, пишущее горы дел, лукавое, но не умное, едва грамотное, свирепое за бумагами, хотя добродушное на вид дома и за вистом. Все на него горько жаловались в разговорах и рассказах, все поднимали его на зубок в романе и на театре, и однако дело не трогалось с места. Разговору было много, и все-таки никто ничего не предпринимал, никто ничего даже и не предлагал, чтобы помочь общей беде и вытравить гнойную болячку. И вдруг нашелся помощник, выступил вперед, смелый начинатель, придумавший, что надо сделать, и в ту же минуту энергически принявшийся за дело. Это был 23-х летний юноша, едва сам кончивший воспитание, едва вступивший в период самостоятельности, — но тем-то его почин и решимость были неожиданнее. То было для него самое время для веселой и беззаботной жизни, для праздников, торжеств и пиров — он этого не захотел, от всего отказался и вместо того задумал крупное дело, серьезное и важное, требовавшее всего человека, всего его времени, забот и помыслов. Этот молодой человек, представлявший такое необыкновенное исключение в свои годы, был принц Петр Ольденбургский. По отцу, религии и серьезному, солидному

¹² Они вышли в свет сначала в «Русской старине» (1880. № 12. 1881. № 2, 3, 6). Затем были опубликованы в его собрании сочинений. См.: *Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Собрание сочинений В.В. Стасова. 1847–1886. Том 3. СПб., 1894. Стлб. 1583–1687.*

воспитанию он был полу-иностранец, хотя родился в России, и по всем симпатиям и чувствам был настоящий русский. А когда он достиг совершеннолетия, то очутился владельцем нескольких миллионов, разросшихся в продолжение его малолетства и юношества, из основной суммы, пришедшейся на его долю после его матери, великой княгини Екатерины Павловны. Как племянник императора, он скоро добился возможности осуществить свою мысль. Ему позволено было основать Училище правоведения, а приступая к его устройству, он отдал целый миллион на покупку дома и его обзаведение. Он считал Училище чем-то своим, родным и близким себе: все свое время, все заботы и помышления отдавал ему.

В Училище он приезжал почти всякий день, иногда по несколько раз в день, присутствовал при лекциях в классах, бывал во время рекреаций, навещал училище при обедах и ужинах; даром что сам лютеранин — стоял нередко на обедне и всенощной в училищной церкви, и иногда приезжал даже ночью, возвращаясь из дворца или с какого-нибудь неизбежного собрания, бала, театра, и всякий раз оставался по несколько часов. Тут он проходил по всем этажам и залам. Вообще говоря, навряд ли была такая подробность училищной жизни, которой бы он не видел собственными глазами, и которую от него можно было бы спрятать или исказить. Все это имело чрезвычайно важные последствия: Училище стало на такую ногу, на какой не стояло ни которое из тогдашних русских училищ, и во многом получило особенный характер. В нем несравненно менее было казенного, формального, рутинного и зато было (по крайней мере, в первое, мое время) что-то, напоминавшее семейство и домашнее житье. Обращение было совсем иное, чем во всех других учебных заведениях»¹³.

А.Ф. Кони усматривал в учреждении Училища правоведения единственно возможный в условиях 30-х годов XIX века способ постепенно, мало-помалу улучшить состояние российских судов. По его словам, думать в то время «о немедленной возможности преобразования русского суда было немыслимо. Этот суд был органически связан со всем дореформенным бытом России и, в

¹³ Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Собрание сочинений В.В. Стасова. 1847–1886. Том 3. СПб., 1894. Стлб. 1589–1590.

особенности, с крепостным строем общества. Пред переустройством последнего отступала даже громадная энергия самодержца, искренно желавшего снять с миллионов своего народа иго, которое, по своим нравственным последствиям, было, во всяком случае, хуже монгольского. Поэтому и об иных формах и приемах суда можно было только мечтать, прибегая лишь к временным улучшениям, с трудом пробивавшим себе дорогу среди постоянной возможности ухудшения. К таким улучшениям относилось учреждение специальной юридической школы — Училища правоведения, которое должно было вливать в суды, понемногу, из году в год, контингент молодых, образованных и добросовестных юристов»¹⁴.

* * *

Первоначальный Устав императорского Училища правоведения был утвержден 29 мая 1835 года императором Николаем I только на первое трехлетие его существования. Предполагалось, что функционирование Училища в течение данного срока позволит испытать на практике нормы Устава и узнать, какие элементы внутреннего устройства этого учебного заведения и его учебной программы оказались разумными, и какие из них необходимо переменить, исправить или устранить.

В первом параграфе Устава объявлялось, что императорское Училище правоведения учреждается в Санкт-Петербурге «для образования юношества на службу по части судебной»¹⁵. Общая численность казенных и своекоштных воспитанников определялась Уставом в 150 человек.

Во главе управления Училища, состоявшего из совета, директора, инспектора классов и хозяйственного правления, ставился попечитель. Эту должность занял принц Петр Ольденбургский.

Полный круг обучения в Училище должен был занимать, по Уставу 1835 года, шесть лет. Он предполагал деление времени учебы на два курса: начальный — двухлетний и окончательный — четырехлетний.

¹⁴ Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию судебных уставов). СПб., 1914. С. 95.

¹⁵ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 29 мая 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8185. С. 655.

Программа общего образования включала в себя широкий набор предметов: закон божий и церковную историю, географию и статистику, всеобщую историю, российскую историю, математику, естественную историю, физику, русский и славянский язык, латинский, немецкий и французский языки, логику и психологию. Кроме того, воспитанники Училища правоведения должны были приобретать навыки в чистописании, рисовании и черчении, а также в пении, танцах и гимнастике.

Учебная же программа по правоведению предполагала изучение лишь пяти предметов: 1) энциклопедию правоведения, 2) историю правоведения, 3) российское законоведение, 4) римское законоведение и 5) практическое судопроизводство¹⁶.

27 июня 1838 года император Николай I утвердил новый и окончательный вариант Устава Училища правоведения, выработанный на основе опыта его трехлетней деятельности¹⁷. Он был намного объемнее предыдущего – 272 параграфа против 135 в Уставе 1835 года – и содержал целый ряд весьма существенных нововведений.

В первом его параграфе было провозглашено, что «Училище правоведения имеет целью образование благородного юношества на службу по части судебной», то есть назначение этого учебного заведения осталось прежним, но воспитанники его были названы не простым юношеством, а «благородным».

Во втором параграфе нового Устава объявлялось, что «Училище сие состоит под особенным покровительством *Его Императорского Величества* и именуется *императорским*»¹⁸. Такого установления не было прежде, однако наименование Училища правоведения императорским подразумевало его.

Существенное нововведение во внутреннее устройство Училища вносил третий параграф Устава 1838 года, гласивший: «Прием воспитанников в сие заведение дозволяется только из сословия древнего потомственного российского дворянства, внесенного в

¹⁶ Там же. С. 657.

¹⁷ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 27 июня 1838 года // 2-ПСЗРИ. Том 13. Отделение 1. № 11363. С. 1000–1017.

¹⁸ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 27 июня 1838 года. С. 1000.

шестую часть родословной книги, также детей: военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5-го класса или статского советника»¹⁹. В Уставе 1835 года говорилось лишь о том, что «прием воспитанников в Училище правоведения дозволяется только из сословия потомственного российского дворянства»²⁰.

§ 194 Устава 1838 года устанавливал, что «императорское Училище правоведения состоит в 1 разряде учебных заведений, и в правах и в преимуществах своих равняется с Царскосельским лицеем»²¹. Подобная норма содержалась и в прежнем Уставе — в его девятом параграфе, но без указания, в каком разряде учебных заведений состоит Училище.

Главное начальство над Училищем вверялось, как и в прежнем Уставе, попечителю, то есть Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Непосредственное управление Училищем призван был осуществлять подчиненный ему директор. Первым лицом после директора в училищном управлении считался инспектор классов. Как и в университетах, в Училище правоведения имелся Совет: его председателем выступал директор, а членами — инспектор классов и профессора.

Порядок назначения директора Училища правоведения не изменился: как и прежде он определялся и увольнялся по представлению Попечителя, через министра юстиции, именным указом, правда, в новом Уставе было добавлено уточнение — «именным *высочайшим* указом»²². И вместе с тем, было установлено (в § 204), что «директор, по росписанию должностей гражданской службы и положению о мундирах состоит в V, а инспектор в VI классах и разрядах»²³. В прежнем Уставе статус директора по Табели о

¹⁹ Там же. Данное правило было включено впоследствии и в Устав Александровского лицея, высочайше утвержденный 10 апреля 1848 г. (См. стр. 162–163 настоящей книги). Заметим в связи с этим, что Попечителем Лицея также являлся (с 1843 г.) принц П.Г. Ольденбургский.

²⁰ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 29 мая 1835 года. С. 656.

²¹ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 27 июня 1838 года. С. 1011.

²² Там же. С. 1012.

²³ Там же.

рангах не определялся²⁴. Профессора Училища считались состоящими в VII классе, адъюнкты и преподаватели наук – в VIII. Должности свои они занимали, как прежде, по избрании Советом Училища и после утверждения Попечителем.

Новый Устав, по сравнению с предыдущим, предъявлял больше требований к лицам, преподававшим в Училище. Согласно § 89 Устава 1835 года, «наставники, избираемые для Училища, должны иметь основательные познания в предметах, которые они преподают»²⁵.

§ 114 Устава 1838 года устанавливал: «Вообще при избрании профессоров, адъюнктов и преподавателей наблюдается, чтобы они, кроме основательных сведений в науках, имели нравственные достоинства и способность свободно и правильно изъяснять преподаваемый предмет»²⁶.

Полный круг обучения в Училище правоведения был увеличен новым Уставом на один год. Он разделялся на «приуготовительный» и «окончательный или собственно юридический» курсы. «Приуготовительный» курс был рассчитан на четыре года, вместо двух по прежнему Уставу: для него отводились 7, 6, 5 и 4-й классы. «Окончательный» курс должен продолжаться три года вместо четырех, а именно: в 3, 2 и 1-ом классах.

Воспитанники Училища, правоведения, получившие хорошую предварительную подготовку, могли быть зачислены не в 7-й, а сразу в 6-й или даже в 5-й класс. Такую подготовку имел, например, Константин Победоносцев, обучавшийся дома по программе гимназии. Поэтому при поступлении в Училище он был зачислен сразу в пятый класс. Это означало, что ему надлежало пребывать в этом заведении на два года меньше полного срока обучения, определенного Уставом.

Учебная программа «приуготовительного» курса не изменилась

²⁴ В § 12 Устава 1835 г. говорилось лишь, что «все чины училища считаются в действительной государственной службе; они имеют особенный мундир по утвержденной форме» (Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 29 мая 1835 года. С. 656).

²⁵ Там же. С. 661.

²⁶ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 27 июня 1838 года. С. 1007.

в новом Уставе по сравнению с прежним, но для «юридического» курса она была существенно расширена. Вместо пяти дисциплин, предусмотренных Уставом 1835 года, учащимся юридических классов надлежало, по Уставу 1838 года, изучать двенадцать предметов:

1) энциклопедию законоведения, 2) римское право, 3) государственное право, т. е. законы основные о состояниях и учреждения, 4) гражданское право и межевые законы, 5) уголовное право, 6) судебную медицину, 7) судопроизводство, как гражданское, так и уголовное, и делопроизводство, 9) местные или провинциальные законы, 10) законы финансовые и полицейские, с предварительным изложением политической экономии, 11) юридическую практику, как гражданскую, так и уголовную, 12) сравнительное законоведение²⁷.

В действительности, кроме перечисленных наук, воспитанникам Училища преподавались и другие предметы, выходящие за рамки учебной программы, предусмотренной его Уставом. Например, уроженец Парижа профессор Иосиф Иванович Аллье преподавал в Училище правоведения (с 1837 по 1849 г.) французскую словесность и одновременно читал воспитанникам старших классов курс по истории французского права. Константин Победоносцев слушал его лекции с большим интересом. 14 октября 1844 года он побывал у профессора в гостях вместе со своим сокурсником Андреем Котляревским. Иосиф Иванович жил в доме на Невском проспекте, где снимал квартиру. Возвратившись в Училище, Победоносцев записал в свой дневник: «Алье принял нас очень ласково. Он сидел в халате в большом кабинете своем, окруженный книгами. Вот человек, которого я не могу не уважать за его достоинства. Он не шарлатан, но ученый, и ученый француз в полном смысле. Притом же, дар слова у него прекрасный, речь так и течет у него с языка плавным, стройным потоком. Вместе с этим, неподдельный юмор французского остроумия, какое-то чисто французское одушевление, так что трудно не увлечься им и не слушать его, когда он разговорится. Ничьи разговоры не могут так заинтересовать, как разговоры Аллье, это решительно один из лучших профессоров наших. Когда он, сторбясь, сухой и маленький, скорее вбегаёт, нежели входит в класс, улыбаясь и поглядывая на обе стороны, я уже заранее

²⁷ Там же. С. 1001.

предугадываю, что интересно будет его послушать. Теперь, когда он читает нам историю французского права, нельзя не удивляться памяти, которая видна в замечаниях, которые говорит он нам беглым языком своим»²⁸.

На практике изменения вносились в программу преподавания юридических наук в Училище правоведения довольно часто. При этом в нее нередко включались предметы, не предусмотренные Уставом. Так, в 1839–1840 учебном году в Училище правоведения преподавалась сравнительная юриспруденция, которая затем была заменена историей русского права. В 1850–1851-м и в 1857–1858 учебных годах воспитанникам Училища проводились занятия по юридической палеографии, то есть науке о том, как правильно читать древние юридические акты. В 40-е годы преподавались также местные законы Прибалтийских губерний, межевые законы и основы сельского хозяйства²⁹.

В начале 60-х годов XIX века, когда развернулась подготовка судебной реформы, в Училище правоведения было расширено преподавание теории гражданского и уголовного судопроизводства. В 1863 году, буквально накануне введения в действие законодательства судебной реформы, учебная программа этого учебного заведения была подвергнута пересмотру. Был установлен следующий перечень предметов и порядок их преподавания: *энциклопедия законоведения, римское право, история русского законодательства, политическая экономия, судебная медицина, всеобщая история, русская словесность, государственное право, уголовное право, гражданское право, финансовое право, логика, чтение источников римского права, психология, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, остзейское право*³⁰.

²⁸ Из дневника К.П. Победоносцева // Русский архив. 1907. Вып. 4. С. 651.

²⁹ Ко дню LXXV юбилея императорского Училища правоведения. 1835–1910 гг. (исторический очерк). Составил воспитан[ник] 61 выпуска Георгий Сюзор. СПб., 1910. С. 171.

³⁰ См.: Там же. С. 175. В 1882 году будет принята новая учебная программа Училища правоведения, в которой объем преподавания юридических наук увеличится еще больше. Данная программа установит следующий перечень преподаваемых предметов: церковное право и история вероисповеданий, гражданское право, торговое право, уголовное право, международное право, теория гражданского судопроизводства, теория уголовного судопроизводства,

На учебу в Училище правоведения принимались подростки не моложе 12 и не старше 15 лет. Впрочем, если они были на полгода моложе 12-ти или настолько же старше 15 лет, их зачисляли в состав учащихся. Константину Победоносцеву в момент поступления сюда на учебу исполнилось 14 лет.

Императорское Училище правоведение было учебным заведением закрытого типа. Для его воспитанников устанавливалась особая форма одежды. Им предписывалось Уставом носить «мундир темно-зеленого цвета со светло-зеленым суконным воротником и обшлагами и с черной выпушкой на воротнике. Пуговицы золоченные, с изображением сенатского чекана; панталоны по цвету мундира»; шляпу треугольную. Воспитанники окончательного, юридического курса должны были иметь на воротнике по одной золотой петлице, а начального курса – по одной серебряной.

В стенах самого Училища воспитанники должны были носить куртки такого же цвета, как и мундир, с разрезным воротником без петлиц. Шинели воспитанников также имели темно-зеленый цвет и светло-зеленый суконный воротник.

§ 50 Устава 1838 года определял, что «воспитанники, кончившие курс в Училище, сообразно успехам, показанным ими как на последнем испытании, так и на двух предыдущих, удостоиваются Советом чинов 9, 10 и 12-го класса. Причем строго принимается в соображение поведение выпускаемого»³¹.

В соответствии с § 51 Устава, «воспитанники, отличившиеся доброю нравственностью и успехами», награждались «при публичном акте книгами и похвальными листами, за подписанием председателя и членов Совета с приложением училищной печати». «Разные меры, допускаемые к исправлению» нерадивых учащихся», определялись специальной инструкцией попечителя.

русская словесность, римское право, государственное право, полицейское право, судебная медицина, энциклопедия права, история русского права, чтение источников римского права, политическая экономия и финансовое право, логика и психология, практика гражданского судопроизводства (см.: Там же. С. 176–177).

³¹ Высочайше утвержденный Устав императорского Училища правоведения от 27 июня 1838 года. С. 1004.

§ 56 Устава 1838 года допускал применение «исправительного наказания», под которым понималось сечение розгами. Но применяться оно могло не иначе, как с разрешения директора, только в исключительных случаях и притом лишь в трех младших классах.

На практике «исправительное наказание» почти не применялось. Редкий случай его применения в 1842 году записал в своем дневнике воспитанник Училища Константин Победоносцев. «30 октября. В VI классе Пьянова высекли за то, что он подменил балл. Это еще первая в нынешнем году экзекуция»³².

Чаще бывали случаи, когда воспитанники сами наказывали кого-либо из своей среды, если уличали его в доносе. 14 мая 1843 года Константин занес в свой дневник следующую заметку: «Сальватори был высечен в классе за фискальство Поповым, Сиверсом, Керстеном, Врангелем и Раденем, пятью записными витязями нашего класса и училища»³³. Все названные здесь воспитанники, и в том числе наказанный Антон Сальватори, были сокурсниками Победоносцева.

Принц Петр Ольденбургский воспитывался (вместе со своим братом Александром) в большой строгости. Его мать — великая княгиня Екатерина Павловна требовала от воспитателей своих сыновей: «Сделайте из них людей, и не щадите в них принцев». По этому правилу Петр Георгиевич организовал воспитание и будущих русских юристов во вверенном ему Училище правоведения.

Директором Училища был назначен сорокасемилетний Семен Антонович Пошман, посвятивший свою молодость армии. Последним местом его военной службы был штаб Отдельного корпуса военных поселений, который состоял под командованием А.А. Аракчеева. Прослужив в нем с марта 1823-го по декабрь 1824 года, Пошман ушел в отставку с чином полковника. 19 февраля 1827 года он был определен за обер-прокурорский стол в Межевой департамент Сената, а в феврале 1835 года его назначили исправляющим должность обер-прокурора 2-го департамента Сената. На пост директора Училища правоведения Семен Антонович заступил 10 июня 1835 года и

³² [Победоносцев К.П.] Для немногих: Отрывки из школьного дневника. 1842–1845. СПб., 1885. С. 7. О другом случае применения наказания розгами к воспитаннику, грубо нарушившему установленные в императорском Училище нормы поведения, см.: Мецкерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 11.

³³ Из дневника К.П. Победоносцева // Русский архив. 1907. Вып. 4. С. 640.

занимал его до самой своей смерти 23 декабря 1847 года. Воспитанники имели обыкновение давать прозвища друг другу и своим воспитателям. Директора Училища они прозвали почему-то кратким словом «пип».

По свидетельству М. М. Молчанова, обучавшегося в Училище с 1837-го по 1845 год, первый его директор Пошман, «был человек, как говорится, “строгих правил”. Военный служака, он внес в гражданское училище и военную дисциплину и безмолвное повиновение начальству. Все время управления Училищем он оставался верен раз принятому принципу и держал все и всех, как говорится, “в ежовых рукавицах”. Мы все побаивались его не на шутку — это правда, но правда и то, что в самом этом страхе юные сердца наши инстинктивно чувствовали в этой строгой, до абсолютизма доходящей власти желание нам добра и стремление сделать нас людьми чести и порядка»³⁴.

После смерти С.А. Пошмана пост директора Училища правоведения в течение почти двух лет занимал полковник Генерального штаба князь *Николай Сергеевич Голицын* (1809–1892)³⁵, а с конца 1849 по 1877 год — генерал-майор *Александр Петрович Языков* (1802–1878). Выпускник Училища правоведения Георгий Сюзор в своем историческом очерке, посвященном 75-й годовщине его существования следующими словами охарактеризовал этого человека: «Генерал Языков никогда ранее педагогом не был, но имел какую-то способность к отгадыванию психических черт в молодой душе. Был прям, откровенен, резок. Он всегда умел зорко подметить нежелательные явления в жизни воспитанников и энергично с ними бороться. Нельзя не поставить ему в особую заслугу то, что он решительными мерами стремился к искоренению варварского отношения к младшим воспитанникам, особенно к новичкам,

³⁴ [Молчанов М.М.] Полвека назад. Первые годы Училища правоведения в С.-Петербурге. СПб., 1892. С. 10–11.

³⁵ При назначении директором Училища правоведения князя Н.С. Голицына 15 января 1848 г. перевели из полковников Генерального штаба в гражданский чин действительного статского советника. При увольнении же с поста директора 7 декабря 1849 г. Николай Сергеевич был возвращен в чин полковника. Умер он в звании генерал-лейтенанта.

со стороны старших воспитанников младшего курса. Преследование новичков составляло в те времена обычное зло закрытых учебных заведений. Затем он строго преследовал гвардейские замашки в воспитанниках, запрещал всякие денежные сборы и подписки для ненужных товарищеских собраний или праздников, требовал обязательного ношения всеми казенного обмундирования, т. е. вообще стремился к уничтожению духа расточительности и пустого тщеславия, который нередко вносили в Училище дети богатых семейств. В общем он оставил о себе весьма добрую память»³⁶.

Первым инспектором Училища правоведения стал пятидесятилетний профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета и Царскосельского лицея *Егор Васильевич Врангель* (1784–1841). После его смерти 15 июня 1841 года новым инспектором Училища стал *Александр Иванович Кранихфельд* (1812–1881), также профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. 23 января 1851 года Кранихфельд оставил эту должность, но ее снова занял ученый-правовед — на этот раз доктор прав Тюбингенского университета, бывший профессор Дерптского университета *Александр Магнус Фромгольд (Александр Фёдорович) фон Рейц* (1799–1862), автор «Опыта истории российских государственных и гражданских законов», изданных в переводе на русский язык и с предисловием Ф.Л. Морошкина в 1836 году.

С 1854 по 1862 год инспектором Училища правоведения был еще один доктор прав и также выходец из Дерптского университета *Федор Федорович Витте* (1822–1879).

На должности преподавателей юридических наук в Училище правоведения приглашались профессора из Царскосельского (с 1843 года — Александровского) лицея и Санкт-Петербургского

³⁶ Ко дню LXXV юбилея императорского Училища правоведения. 1835–1910 гг. С. 287. Н.П. Языков был в то время известен и своими историческими трудами, среди которых можно выделить такие сочинения, как «Взгляд на состояние прибалтийских губерний» (1846 г.), «Замечания о причинах обмеления таганрогского порта» (1848 г.), «О русском государственном цвете» (1858 г.), «Воспоминания о селе Грузино, имении графа Аракчеева» (1866 г.), «История батальона великой княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской» (1868 г.), «Описание пребывания Императора Петра Великого в Саардаме и Амстердаме в 1697 и 1717 гг.». Последний труд был издан в Берлине на русском, немецком и голландском языках.

университета, а также чиновники, имевшие юридическое образование.

Известный русский музыкальный и художественный критик, историк искусств и общественный деятель Владимир Васильевич Стасов, пребывавший в Училище правоведения с 1836 до 1843 год, отмечал в своих воспоминаниях: «Учителя и профессора были у нас не Бог знает какие, однако же, приблизительно все лучшие, каких тогда можно было достать в Петербурге. Многие были взяты к нам, для старших классов, из числа тех, что преподавали в Царскосельском лицее, а Лицей считался в то время лучшим штатским заведением, тем самым, чем был Пажеский корпус между военными»³⁷.

Изучение юридических наук воспитанники императорского Училища правоведения начинали с учебного курса общего характера, представлявшего собой как бы введение в научную юриспруденцию. В Уставе Училища 1835 года данный курс назывался «энциклопедией правоведения», а по Уставу 1838 года — «энциклопедией законоведения». Читавший этот курс профессор *Роман Андреевич Штекгардт* (?–1848)³⁸ именовал его «юридической пропэдевтикой».

С осени 1848 года энциклопедию законоведения в Училище правоведения стал читать Константин Алексеевич Неволин (1806–1855), автор капитального труда по этому предмету, вышедшего в двух томах в 1839–1840 годах³⁹. По его содержанию можно судить и о характере лекций преемника профессора Штекгардта. «Энциклопедия законоведения» Неволина включала в себя три

³⁷ *Стасов В.В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // *Собрание сочинений В.В. Стасова.* 1847–1886. Том 3. СПб., 1894. Стлб. 1595.

³⁸ Из фактов краткой биографии Р.А. Штекгардта, опубликованной в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова, можно сделать вывод о том, что родился он в начале XIX в., примерно в 1803–1804 гг. По происхождению Штекгардт был немцем из Саксонии и звался на родине Генрихом-Робертом. Юридическое образование он получил в Лейпцигском университете, который окончил в 1823 г. После защиты в 1826 г. диссертации на степень доктора философии и прав стал преподавателем в своей альма-матер. В 1831 г. его пригласили в Санкт-Петербург для преподавания римского права в Главном педагогическом институте. Став в 1835 г. преподавателем Училища правоведения, Р.А. Штекгардт продолжал одновременно читать лекции и в Главном педагогическом институте.

³⁹ *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. Том 1. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. Киев, 1839. Том 2. Вторая половина особенной части. Киев, 1840.

раздела: 1) теоретический, в котором рассматривается существо права и закона; 2) истории философии законодательства, посвященный описанию идей философов древности и нового времени о праве и законах; 3) истории положительных законодательств, в котором излагалась история права иностранных государств и России с древности и до начала XIX века. Основное содержание указанного произведения было заключено в 1279 страниц, при этом теория права и закона занимала в нем всего 148 страниц, история политических и правовых учений – 485 страниц, история же иностранного и русского права – 646 страниц, то есть более половины объема книги. Таким образом, «Энциклопедия законоведения» профессора К.А. Неволина являлась в значительной мере историко-правовым произведением. Надо полагать, что история права занимала преобладающую часть и его лекций в императорском Училище правоведения.

По воспоминаниям И.А. Тютчева, слушавшего лекции профессора Р.А. Штекгардта в 1847–1848 учебном году, Роман Андреевич был «небольшого роста, худощав и носил парик. Сидя на кафедре, стоявшей у стены, и читая лекцию, он имел привычку раскачиваться взад и вперед. Воспитанники изловчились в стену вколачивать гвоздь, так чтобы при покачивании профессора парик зацеплялся за гвоздь, и обнажалась безволосая голова немецкого ученого»⁴⁰.

На первой лекции Штекгардт объяснял, что представляет собой юридическая пропэдевтика. «Греческое слово “пропэдевтика”, – говорил он, – означает так же, как немецкое “Vorschule”, учение приуготовительное для какой-нибудь науки. Правоведение или юриспруденция, обнимая все стороны человеческой жизни, есть одна из наук, более всех нуждающихся в таком предварительном учении. Следовательно, для изучения прав необходима юридическая пропэдевтика. Под этим названием разумею мы связанное систематическое собрание различных предварительных понятий и сведений, без которых вступление в область правоведения чрезвычайно шатко, уразумение его неясно и начальное изучение

⁴⁰ Тютчев И.А. В Училище правоведения в 1847–1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища // Русская старина. 1885. Том 48. № 12. С. 668.

трудно и почти бесплодно»⁴¹. Содержание курса юридической пропедевтики, читавшегося в Училище правоведения, определялось не только уровнем образованности его воспитанников, готовившихся к изучению юридических наук, но и сущностью самой юриспруденции. Юридическая пропедевтика призвана была, по словам профессора Штекгардта, «привести в ясность все понятия и идеи, все исторические и литературные сведения, которые частью уже предполагаются известными в науке правоведения, частью же по обильному ее содержанию только упоминаются в ней, но остаются без дальнейшего объяснения, частью, наконец, являются в кратком и неполном виде. Сверх того, пропедевтика должна представить способ изучения прав вообще, т. е. всеобщую юридическую методологию»⁴².

Воспитанники не любили юридической пропедевтики, поскольку преподавалась она догматически и к тому же на немецком языке или на латыни. Но Победоносцев показывал при ее изучении такие успехи, что иногда приводил профессора Штекгардта в полный восторг. 7 октября 1842 года Константин записал в свой дневник: «Штекгардт. Последнему отвечал я по-латыни 12 §, и так восхитил его, что он сошел с кафедры, облобызал меня, жал руку и поставил 12»⁴³.

Чтобы получить положительную оценку на экзамене по юридической пропедевтике, учащиеся готовы были на любые уловки. Об одной из них Победоносцев рассказал в своем дневнике. В записи, сделанной 30 апреля 1844 года, он сообщил: «Завтра затевают у нас новый обман во время Штекгардтова экзамена: пишут по два экземпляра всех билетов, каждый готовит из всего курса только один билет, и когда берет билет со стола, говорит тот номер, который сам учил, а на приготовленном стуле билет ему обменивают. Если это удастся, о, какая жалкая сущность»⁴⁴.

Уловка оказалась успешной, но Победоносцеву данный успех не принес радости. В свой дневник он записал: «Употребили в дело эту хитрость, о которой я вчера писал, и она удалась вполне. Все были в этом деле обмануты: и директор, и инспектор, и Штекгардт, и

⁴¹ Штекгардт Р.А. Юридическая пропедевтика. Перевел Ф.Г. Толь, со второго издания, исправленного и дополненного автором. СПб., 1843. С. 1-2.

⁴² Там же. С. 2.

⁴³ Из дневника К.П. Победоносцева. С. 636..

⁴⁴ Там же. С. 645.

Генцшель, заседавший на экзамене... Совестно было молиться до и после экзамена. Разумеется, успех был блестящий»⁴⁵.

И месяц спустя Константин продолжал испытывать неловкость от того, что участвовал в обмане профессора Штекгардта. «Совестно вспоминать об экзамене Штекгардта, и разговоры об этом не прекращаются в классе», — признавался он в дневниковой заметке, сделанной 1 июня. Ему хотелось найти оправдание этому обману, и он обнаруживал его в системе преподавания юридической пропэдевтики профессором Штекгардтом. «Многие, — отмечал Победоносцев в своем школьном дневнике, — говорят, и не без основания: “Что же нам делать, когда начальство ставит нас в невозможное положение? Нас заставляют слушать лекции и отвечать на языке, которого мы не понимаем и на котором не можем объясниться нисколько”. И действительно, не менее как три четверти нашего класса совсем не знают или совсем плохо знают по-немецки; странно сказать, есть в числе таких даже немцы по происхождению, т[о] е[сть] имеющие мать или отца немцев. Прохождение сквозь уроки Михлера и Шнеринга не подвинуло их ни на шаг в знании немецкого языка. А между тем, начиная с низших классов, некоторые предметы преподаются на немецком языке будто бы для практики. С физикой, географией можно еще как-нибудь справиться, но когда дело доходит до предметов философского содержания, до пропэдевтики и энциклопедии, тут, что называется, свет досками забран и нет никакого выхода. Иной пробует учить наизусть параграфы, ничего не понимая, и можно себе представить, что из этого выходит. Так однажды, помнится, Андрюша пробовал отвечать Штекгардту, начал первую фразу: “Ungeachtet dieser Wissenchaftt”, — потом после некоторой паузы произнес: “als”, — и затем последовало гробовое молчание...»⁴⁶.

О том как, преподавали в императорском Училище правоведения другие профессора, Константин Победоносцев в своем дневнике умолчал. Зато о них довольно подробно рассказали в своих мемуарах те, кто учился здесь немногим раньше или позднее его.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 645–646.

Уголовное право в этом учебном заведении преподавал с 1838 по 1859 год профессор *Петр Давыдович Калмыков* (1808–1860). Выпускник Училища 1843 года В.В. Стасов писал в воспоминаниях, что он своими лекциями «ничуть не удовлетворил» ожидания учащихся»⁴⁷. Однако известный в дореволюционной России адвокат *Константин Константинович Арсеньев* (1837–1919), обучавшийся в Училище правоведения с 1849 до 1855 года, характеризовал П.Д. Калмыкова, в противоположность В.В. Стасову, как весьма достойного профессора. «Всегда серьезный, почти мрачный, но изысканно-вежливый и деликатный, — вспоминал К.К. Арсеньев, — он поражал нас сдержанно-страстным отношением к своему предмету, выразившимся во всем — в голосе, тоне, в образной речи, в пафосе, с которым он говорил об уважаемых им ученых... или восставал против несимпатичных ему форм уголовной кары (напр., против смертной казни, против телесного наказания и наложения клейм). Это последнее в тогдашнее время было совсем небезопасно для профессора, но Калмыков не останавливался перед подобными соображениями. Он, очевидно, хотел передать слушателям не только свои сведения, но и часть своего настроения. Не скажу, чтобы это ему особенно удавалось, чтобы мы его всегда понимали, вполне проникались его образом мыслей; кое-что, однако, врезывалось нам и в память, и в душу, и мы выходили из его класса не только с сознанием приятно проведенного времени — как после лекций Загорского⁴⁸ и Вышнеградского⁴⁹, — но с пробужденною на время мыслью, с тяжелым чувством чего-то неладного в окружающем нас мире. Учились мы у Калмыкова усердно и довольно успешно; в его преподавании нам были доступны даже немецкие философские теории, не была страшна даже знаменитая “лестница наказаний”, наводившая ужас на столько поколений молодых юристов. Уголовное

⁴⁷ Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад. Стлб. 1659.

⁴⁸ Александр Петрович Загорский читал в Училище правоведения лекции по судебной медицине. — В. Т.

⁴⁹ Николай Алексеевич Вышнеградский преподавал в Училище правоведения русскую словесность. — В. Т.

право было *единственным* предметом, по которому мы вынесли из Училища не бессвязные обрывки знаний, а нечто стройное и целое»⁵⁰.

В 1866 году лекции П.Д. Калмыкова будут изданы в виде учебника по общей части уголовного права его учеником А.Д. Любавским⁵¹.

Лекции по государственному праву читал в Училище правоведения с 1838 до 1861 года профессор *Никифор Алексеевич Палибин* (1811–1861), невысокого роста человек, но с гордой осанкой, приличными манерами и правдивый. Вспоминая о манере чтения им лекций, М.М. Молчанов писал: «Как звучно при общей тишине неслась его речь, когда уверенным голосом он провозглашал: “Император всероссийский есть монарх неограниченный и самодержавный, коему повиноваться не только за страхом, но и за совестью сам Бог повелевает!” – и слово “Бог” произносилось с таким пафосом, что оно невольно западало в душу каждого из слушателей»⁵².

«Государственное право Палибина, – сообщал в своих воспоминаниях И.А. Тютчев, – представляло какое-то извлечение из первых трех томов Свода законов. Начиналось оно словами: “Император Всероссийский есть монарх самодержавный, неограниченный, повиноваться коему не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает”. Порядок делопроизводства в Сенате, по словам Палибина, воспитанник Училища должен так твердо знать, чтобы безошибочно ответить спросонья на вопрос: в какой департамент направить дело из такой-то губернии. Курс Палибина, может быть и очень полезный, мне казался не наукой, а каким-то сбором сведений, совершенно лишенных научного характера»⁵³.

⁵⁰ Воспоминания К.К. Арсеньева об Училище правоведения 1849–1855 гг. // Русская старина. 1886. Том 49. № 4. С. 213.

⁵¹ См.: Учебник уголовного права профессора П.Д. Калмыкова, изданный А. Любавским. Часть общая. СПб., 1866. Александр Дмитриевич Любавский и сам станет видным русским правоведом, автором многочисленных научных и публицистических работ. Девятитомный сборник его «Юридических монографий и исследований» будет публиковаться с 1867 по 1879 год.

⁵² [Молчанов М.М.] Полвека назад. Первые годы Училища правоведения в С.-Петербурге. С. 32.

⁵³ Тютчев И.А. В Училище правоведения в 1847–1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища // Русская старина. 1885. Том 48. № 12. С. 669–670.

«Его курс был ничем иным, как рядом выписок из подлежащих томов Свода законов (I-го, IX-го). Об основных началах государственного права, о фазисах его развития, о положении его в Западной Европе мы не узнавали ровно ничего — зато должны были заучивать предметы ведомства каждого министерского департамента, каждого губернского и уездного присутственного места»⁵⁴. Такую характеристику дал Палибину как лектору К. К. Арсеньев.

Подобное впечатление об этом профессоре оставил в своих воспоминаниях и В.В. Стасов. По его словам, «Палибин приводил нас в изумление, читая нам, под заглавием “Государственное право”, прямо статьи из Свода законов, которые мы должны были заучивать слово в слово по его литографированным запискам, перечисляя без малейшего пропуска, все “департаменты”, “отделения” и “столы” министерств, губернских правлений и других мест, и тут же должны были в зубряжку пересчитывать “предметы их ведомства”»⁵⁵.

Римское право, во всех трех классах старшего курса, читал в императорском Училище правоведения с 1835 по 1863 год *Василий Васильевич Шнейдер* (1793–1872), он же преподавал здесь и латинскую словесность. Константин Победоносцев лишь упомянул его имя в своем дневнике, но другие воспитанники Училища не были так скупы на характеристики своих преподавателей. К.К. Арсеньев написал о В.В. Шнейдере: «Мы уважали профессора, но не любили его предмет и не отдавали себе даже ясного отчета в необходимости его для юристов»⁵⁶.

Князь В.П. Мещерский, поступивший в Училище правоведения в 1850 году и окончивший обучение в нем в 1857 году, также положительно отзывался о профессоре В.В. Шнейдере: «Это был и симпатичный, и оригинальный тип, коего в теперешнее время смешно было бы найти и след. В нем жил дух римлянина золотого века Рима и в то же время жил человек со всеми оттенками благородства и деликатности, с одной стороны, и высокого

⁵⁴ Воспоминания К.К. Арсеньева об Училище правоведения 1849–1855 гг. // Русская старина. 1886. Том 49. № 4. С. 210.

⁵⁵ Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад. Стлб. 1659.

⁵⁶ Воспоминания К.К. Арсеньева об Училище правоведения 1849–1855 гг. // Русская старина. 1886. Том 49. № 4. С. 211.

образования — с другой... Хотя он был немец, но никогда никому из нас в голову не приходило на этого старика смотреть, как на немца: он все время в течение трех лет нам представлялся фантастическим римлянином»⁵⁷.

Выпускник Училища правоведения 1863 года А.В. Михайлов оценивал преподавание римского права профессором В.В. Шнейдером как в высшей степени плодотворное: «Известные общие начала права, юридический склад ума и привычка к юридическому мышлению остались у нас от его лекций»⁵⁸.

По воспоминаниям В.В. Стасова, «Шнейдер был человек великолепный, по прекрасной душе, благородству и энергии своей... Все его у нас любили, от мала до велика, и я думаю, что нет никого из бывших в те времена в Училище, кто не сохранил бы о нем самого благодарного, полного симпатии и уважения воспоминания. Но как профессор, он казался нам тяжелым немецким педантом, со всем своим “римским правом”, которого мы никак не соглашались признать чудодейственной силой, долженствующею прочистить, осветить и направить все наши понятия о праве, о всем справедливом, несправедливом, законном и преступном. Нам казалось, что тут излагаются все такие ординарные вещи, которые мы очень хорошо знаем и без всякого классического римского права, наприм[ер], что нельзя строить свой дом на чужой земле, нельзя продавать яблоки из чужого сада, и тому подобные необыкновенные никому неизвестные истины»⁵⁹.

Лекции по гражданскому праву воспитанникам Училища правоведения с 1842 по 1861 год читал Александр Иванович Кранихфельд. Об их содержании можно судить по изданному им в 1843 году учебнику под названием «Начертание российского гражданского права в историческом его развитии». Его текст показывает, что Кранихфельд в своих лекциях давал всего лишь догматическое изложение гражданско-правовых институтов, одобренное историческими обзорами. В понимании существа гражданских законов и основных правовых категорий Александр Иванович строго

⁵⁷ Мецкерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 37.

⁵⁸ Михайлов А.А. Из прошлого // Русская школа. 1900. № 1. С. 22.

⁵⁹ Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад. Стлб. 1659–1660.

следовал положениям «Свода законов Российской империи». Гражданское право, по его словам, это «гражданские законы, в совокупности взятые, в виде единого целого, выведенного, как общий результат, из отдельных законоположений»⁶⁰.

Лекции Кранихфельда были скучны не только по содержанию, но и по форме. Он лишь пересказывал действующие гражданские законы, не давая им ни догматических толкований, ни исторических объяснений. В аудиторию Александр Иванович сразу как только прозвонит звонок на лекцию и со звоном на перерыв прекращал свою лекцию, останавливаясь нередко на полуслове. Произнеся фразу «но об этом в следующий раз», он быстро выходил в коридор.

Воспитанники над этим педантизмом посмеивались. Бывало так, что Кранихфельд заходил в лекционную аудиторию и обнаруживал ее пустой. Но через несколько секунд в дверях появлялась голова кого-нибудь из шутников и спрашивала: «Здесь ли почтенный профессор? Началась ли лекция почтенного профессора?». После этого воспитанники вваливались гурьбою в класс и долго рассаживались по местам, приводя профессора в замешательство.

Объясняя, почему преподаватели императорского Училища правоведения оказались не вполне достойными своего звания, К.К. Арсеньев отмечал, что «несправедливо было бы винить за это одно училищное начальство. Многие из наших преподавателей были в то же время профессорами Петербургского университета (Шнейдер, Кранихфельд, Неволин⁶¹, Калмыков); негде, может быть, было и взять лучших... Главная разница между университетскими и училищными лекциями заключалась, я думаю, в том, что те же профессора читали иначе, когда имели перед собою студентов, а не мальчиков (не столько по возрасту, сколько по положению и привычкам). У нас профессор поневоле обращался в учителя, отвечающего не только за знания учеников, но и за тишину и порядок в классе. От него требовали

⁶⁰ Начертание российского гражданского права в историческом его развитии, составленное для императорского Училища правоведения профессором, доктором прав Александром Кранихфельдом. СПб., 1843. С. 1.

⁶¹ Константин Алексеевич Неволин станет преподавать в Училище правоведения энциклопедию законоведения с 1848 г., после смерти Р.А. Штекгардта, т. е. через два года после того, как это учебное заведение окончит К.П. Победоносцев. Преподавание же юридической пропедевтики в Училище правоведения было в связи с этим отменено.

беспрестанного спрашиванья уроков, т. е. чего-то весьма мало сходного с университетским преподаванием. Я нисколько не удивился бы, если бы узнал, что, что большинство профессоров относилось к нам с некоторым пренебрежением, смотрело на нас сверху вниз»⁶².

Однако в целом преподаватели Училища правоведения оставляли в своих ученика добрую о себе память. Выступая в 1860 году, на 25-летнем юбилее Училища, с торжественной речью, К.П. Победоносцев считал необходимым сказать про своих преподавателей: «Они влагали в юные души наши: добрую мысль, доброе слово, доброе предание, завет добрый. Они не говорили нам: наслаждайтесь жизнью и таитесь, когда увидите зло и беззаконие; ведайте бумагу, не тревожьтесь о живом человеке. Нет! Не домом соблазнительей был для нас этот дом, а домом учителей! Нас отпускали со словом “союз”, но говорили, что союз для труда, а не для почетных наслаждений»⁶³.

* * *

Об атмосфере в Училище правоведения в первое десятилетие его существования можно судить по дневниковым заметкам, которые вел во время пребывания в этом необычном учебном заведении Константин Победоносцев. Они показывают, что их автор был прилежным учеником. Воспитанники, проводившие свои дни в бездельи, вызывали у него удивление. Так, однажды Победоносцев записал в свой дневник: «У нас есть странные люди, которые целый день, целую неделю, целый год кутят и ничего не делают. Днем по будням они болтают, поют, играют в преферанс, в орлянку и в другие игры, пляшут канкан и ругают директора. По праздникам день проводят в трактире за бильярдом, вечера — Бог знает где, — словом, живут настоящею минутой и более ничего знать не хотят»⁶⁴. При этом Константин признавался в том, что и сам неоднократно совершал предосудительные поступки. «С прошлого года, — сообщал он в записи за 24 апреля 1843 года, — возникло и распространилось у нас изобретение, которое, не знаю, дошло ли еще до Москвы. Вместо трубки курят папиросы, так эта штука называется. Еще зимой я

⁶² Воспоминания К.К. Арсеньева об Училище правоведения 1849–1855 гг.

// Русская старина. 1886. Том 49. № 4. С. 214.

⁶³ Цит. по: [Молчанов М.М.] Полвека назад. Первые годы Училища правоведения в С.-Петербурге. С. 33.

⁶⁴ Из дневника К.П. Победоносцева. С. 648–649.

дивился, глядя, как Пейкер⁶⁵ фабриковал их, свертывая трубочки из печатной бумаги и наполняя их табаком. Теперь это усовершенствовали; берут карандаш или вроде того палочку, скатывают на ней пластинку тонкой почтовой бумаги, заклеивают края; потом загибают эту трубочку с одной стороны, наполняют ее табаком, загибают снова – и курево готово. Только что завелись папиросы и в продаже в магазине Богосова, в д[оме] Армянской церкви, но у нас только богатые берут оттуда, а прочие продовольствуются самодельщиной. В классе эта манипуляция беспрестанно производится, *виноват и я, грешный*. Курят в трубу: один увеселяется, а другой караулит»⁶⁶ (курсив мой. – В. Т.).

В записи, сделанной 29 ноября 1842 года, Победоносцев привел факт, показывающий, что воспитанники Училища умели обходить установленные в нем строгие порядки. В этот день, после обедни, в первом – самом старшем – классе был произведен, по приказанию директора, обыск. В результате нашли табак, сигары, трубки, бутылки, рюмку и прочие подобные атрибуты веселого времяпрепровождения⁶⁷. Воспитанники первого класса, у которых нашли все это, оказались под угрозой исключения из Училища – менее, чем за год до его окончания.

Подобные обыски были довольно частным явлением в Училище правоведения. Как правило, им подвергались помещения, где жили ученики старших классов, но иногда обыскивали и учеников младших классов. «Сыщики» особое внимание обращали на книги, которые читали воспитанники. 20 января 1843 года Победоносцев записал в свой дневник: «Вечером был у нас в классе обыск, производившийся Кранихфельдом⁶⁸ и Бушманом⁶⁹. У меня поймал инспектор стихи Лермонтова, однако оставил их и советовал держать у Бушмана: «Конечно, Лермонтов поэт, но он умер нехорошою

⁶⁵ Имеется в виду сокурсник Константина Победоносцева Владимир Иванович Пейкер.

⁶⁶ Из дневника К.П. Победоносцева. С. 640.

⁶⁷ Там же. С. 637.

⁶⁸ Александр Иванович Кранихфельд был в Училище правоведения не только преподавателем – он занимал здесь также должность инспектора классов. – В. Т.

⁶⁹ Воспитатель Училища правоведения. – В. Т.

смертью...»⁷⁰. 13 марта того же года новый обыск: в обед директор по классам и изымал у в комнатах воспитанников книги Гоголя, экземпляры журнала «Отечественные записки» и пр.⁷¹

Пребывавший в Училище в одно время с К.П. Победоносцевым М.М. Молчанов писал полвека спустя в своих воспоминаниях: «Если объем и курс учения не был так обширен, как теперь, то, когда мы были в Училище, очень много времени посвящалось чтению. В некоторых классах были свои библиотеки. Каждый воспитанник вносил в месяц известную сумму, кажется по два рубля, приобретались все лучшие произведения русской, французской и немецкой литературы и потом, при выпуске, книги эти делились по жребию. Романы английские Вальтер-Скотта, Копера и Мариетта, в французских переводах Defauscompret, были излюбленным чтением. Но само собою разумеется, что прежде всего читались корифеи русской словесности: Пушкин, Марлинский, Лермонтов, Гоголь, Жуковский, Лажечников, Масальский, Денис Давыдов, с его — «Бурцов, ёра забияка, собутыльник дорогой, Ради рома и арака — посети домишко мой»⁷².

Для Константина Победоносцева чтение книг было настоящей страстью, не отпускавшей его даже во время болезни. Двадцатые числа октября 1842 года ему пришлось провести в лазарете Училища. В один из дней пришел сюда с проверкой принц Ольденбургский в сопровождении Пошмана и застал его в очках за чтением книги. Попечитель упрекнул Победоносцева: «Побереги глаза хоть в лазарете», а директор в ответ на эти слова сдернул с него очки. Через день Константину сообщили, что Пошман разрешил ему носить очки только в классе и нигде более: ни на улице, ни в зале, ни в лазарете.

Помимо чтения художественных книг учащиеся посещали театральные спектакли. 31 марта 1844 года Победоносцев занес в свой дневник: «Отправился в Михайловский театр в намерении развлечь себя в этот вечер. В 7 часов начался спектакль драмою: *Le bal masque sous Louis XIV*; пьеса пустынькая, которую я, помнится, читал когда-то

⁷⁰ Из дневника К.П. Победоносцева. С. 639.

⁷¹ Там же.

⁷² [Молчанов М.М.] Полвека назад. Первые годы Училища правоведения в С.-Петербурге. С. 19.

в «Репертуаре». Но ее оживляла прекрасная игра артистов, которая у французов из ничего умеет занять зрителей»⁷³.

Принц Ольденбургский старался разнообразить жизнь воспитанников вверенного его попечению Училища и нередко устраивал для них концерты у себя во дворце. Об одном из них, состоявшемся 16 октября 1843 года, написал в своем дневнике Константин Победоносцев: «Сегодня концерт у принца, и мы все туда идем. Вместо скучного Штекгардта пошел я с римским правом в лазарет. Между тем принц был наверху, во всех классах. Георгиевский спрашивал меня, читал мое сочинение; добрейший старик, но какой устарелый! Спальни все отперты. Желаящие бредутся там в ожидании концерта. После всенощной пошли прямо в спальни одеваться. Мы дожидались довольно долго, погода была скверная. За нами приехал, наконец, какой-то длинный ящик, куда все уселись и переехали. По великолепной лестнице взошли мы наверх в богатую раззолоченную залу. Все было уже готово к концерту. Добрый наш принц был тут; принцесса сидела с Толстою в ближней комнате, с нею баронесса Крюднер. После первой половины разошлись мы по комнатам, где были накрыты столы с разными яствами. Пили чай, ели мороженое. Тут же устроены деревянные горы, с которых катались маленькие. Потом началась вторая половина. Наши пели и играли»⁷⁴.

Концерты часто устраивались и в самом Училище правоведения: воспитанники показывали свои таланты — кто-то читал стихи, кто-то пел, другие играли на музыкальных инструментах. Директор Училища Семен Антонович Пошман являлся большим почитателем музыки. Кроме того, многие учащиеся до поступления в Училище занимались музыкой дома. Наконец, музыкой увлекался и попечитель Училища правоведения принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

Праздничными событиями, хотя и доставлявшими огромные хлопоты, были для воспитанников посещения Училища государем. Первое такое событие в период учебы в Училище Победоносцева произошло 13 марта 1843 года. Константин не скрыл своего восторга при его описании в дневнике: «Время было прекрасное. Солнце

⁷³ Из дневника К.П. Победоносцева. С. 644.

⁷⁴ Там же. С. 641.

светило ярко. Не прошло и 5 минут, как посреди веселой толпы раздались глухие крики: скорей, скорей! Царь приехал. В эту минуту в окне V класса раздался звук призывного колокольчика. Мы побежали. Кто просто, кто в коньках, кто ползком, но все тотчас явились наверх, бросили как попало шинели и фуражки, построились в длинную колонну. Все стихло, но вдруг пробежал глухой ропот, и вслед за ним потряс воздух громкий крик приветия. Царь шел мимо рядов, оглядывая их орлиным оком... Я его впервые увидел. Он хорош, царственно хорош!... Он был всем доволен, хвалил выпускных, чистоту и порядок»⁷⁵.

В конце ноября 1844 года император Николай I решил снова посетить Училище. К его прибытию готовились заранее. Директор распорядился постричь всех без исключения воспитанников по алфавиту. Для стрижки младших классов были вызваны цирюльники. Старшие классы стриг француз Алибер. «И тоже подвергся той же участи»⁷⁶, — заметил в своем дневнике Константин Победоносцев.

Строгие порядки, заведенные в Училище правоведения попечителем принцем Петром Ольденбургским, хотя и действовали угнетающе на воспитанников, не могли разрушить в них чувства собственного достоинства. Будущие правоведаы умели отстаивать свою честь от любых попыток уронить ее. И нередко бывали случаи, когда ими совместно выдвигались требования об отстранении от должности какого-либо чиновника Училища, допустившего в их адрес оскорбление в той или иной форме⁷⁷.

Выпускники Училища правоведения отличались от студентов, окончивших университеты, не только своей аристократичностью, но и братством, которое хранилось ими всю последующую жизнь. Девизом этого правоведческого братства была строка из стихотворения Горация: «*Quidquid agis prudenter agas et respice finem* (что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель». Позднее к этому девизу добавили еще один: «*Honeste vivere, neminem*

⁷⁵ Там же. С. 639.

⁷⁶ В записи за 29 ноября 1844 г. См.: Там же. С. 647.

⁷⁷ См. рассказ Константина Победоносцева об одном из таких случаев: Из дневника К.П. Победоносцева. С. 649-651.

ledere, suum cuique tribuere (Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое)».

И. А. Тютчев, обучавшийся в императорском Училище правоведения с 1847-го до начала 1852 года⁷⁸, высоко оценивал нравственный уровень выпускников Училища правоведения. «Мне может быть возразят, — писал он, — неужели же между правоведами нет и не было дурных людей? На это отвечу пословицей: в семье не без урода. Да, к сожалению, есть и между правоведами недостойные люди, но сравните их число с числом почтенных деятелей из правоведов, достигших высших государственных должностей, отправляющих правосудие или трудящихся на иных, более скромных, поприщах, и вы увидите, что нравственных уродов вышло из Училища правоведения весьма немного.

История оценит заслуги *принца Петра Георгиевича* по отношению к России и в числе их не забудет, что ему Училище правоведения обязано своим существованием. Эта же беспристрастная история отдаст должную справедливость и питомцам Училища, посвятившим все свои силы и способности на служение Отечеству»⁷⁹.

С особым чувством вспоминал свое пребывание в Училище правоведения и Константин Петрович Победоносцев. В год пятидесятилетнего юбилея со дня открытия своей альма-матер он опубликовал в виде небольшой книжки отрывки из дневника, который вел во время учебы⁸⁰. Эта книжка была издана небольшим тиражом и предназначалась, как было сказано в предисловии, «к обращению исключительно в тесном кругу товарищей, знавших друг друга в период 1842–1846 гг.».

⁷⁸ В январе 1852 г. И.А. Тютчев уговорил своего отца забрать его из Училища.

В августе того же года он стал студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1885–1886 гг., в то время, когда И.А. Тютчев писал свои воспоминания об Училище правоведения, он являлся директором Санкт-Петербургской земледельческой колонии.

⁷⁹ Тютчев И.А. В Училище правоведения в 1847–1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища // Русская старина. 1886. Том 49. № 2. С. 376.

⁸⁰ См.: [Победоносцев К.П.] Для немногих: Отрывки из школьного дневника. 1842–1845. СПб., 1885. Сразу после смерти Константина Петровича текст этого дневника был опубликован, с некоторыми сокращениями, в журнале «Русский архив» под названием «Из дневника К.П. Победоносцева».

О том, какое значение для России и для него имело Училище правоведения, Победоносцев рассказал сам — в речи, произнесенной во время торжества в честь 25-летия этого учебного заведения. Его слова об Училище, в котором он провел пять своей жизни — годы, когда формируется человеческая личность, звучали душевно и проникновенно:

«Когда взрослый человек, прожив на чужбине добрую часть молодости, испытав ее страстную борьбу, горе и наслаждение, оставив на больших и малых дорогах жизни, в блестящей грязи ее долин и на сухих ее вершинах, многое из того запаса, который взял с собою в путь, — после многих лет возвращается в тот дом, где прошло его детство, — на него нападает чувство грусти, смешанное с радостью. Радость о том, что хоть на минуту эти старые стены будто ожили вокруг него и пробудили в нем что-то похожее на свежесть детских и юношеских впечатлений. Грусть о том, что не таким уж он возвращается в старый дом, каким вышел оттуда. Счастье человеку, когда посреди этой радости, освежив свою усталую душу, он обновит растроченный запас сил у того же источника, из которого черпал их прежде.

В этих стенах прошли первые годы нашей юности. В этих стенах зародились те идеалы, которые до сих пор каждый из нас носит в себе; здесь сложились первые наши представления о жизни, о правде ее и неправде: здесь отозвались в душе нашей первые порывы любви и негодования, порывы и стремления, которыми душа наша до сих пор живет и движется. Этого довольно. Довольно того, что каждый из нас, войдя в эти стены, говорит себе: здесь была моя юность. Довольно для того, чтобы душа почувствовала в себе доброе, простое, истинное чувство и в порыве его благословила эти стены, этот дом, эту счастливую пору своей жизни. Имя этому чувству радость и благо тому, кто в эту пору может еще просто и искренне радоваться.

Но из этого простого, бессознательного чувства возникает мысль серьезная и сознательная, возникает вопрос, требующий ответа. Из этого дома выступили мы в жизнь. Что взяли мы отсюда с собою? С чем теперь, после многих лет, сюда возвращаемся?

Пусть каждый вспомнит, что дало ему на дорогу Училище, когда отпускало его отсюда. Добрую мысль, доброе слово, доброе предание,

добрый завет, не так ли? Разве говорили нам здесь: наслаждайтесь жизнью и таитесь, когда увидите зло и беззаконие; ведайте бумагу, не тревожьтесь о живом человеке; идите, доставайте себе чины и почести, поднимайтесь вверх, забирайте силу власти и ведите друг друга к власти и почести? Нет, Бог свидетель, здесь этому не учил нас никто, и к кому из нас может пристала такая мысль, тот сам ее подобрал ее в пыли на больших дорогах жизни. Нет, не домом соблазнительей был для нас этот дом... Вспомним, что говорили нам здесь. Нам говорили: есть правда, и кто верно хранит ее в себе, тот честный человек и верный сын своей родины. Нам говорили: правда не вдохновением и не даром входит в человека, она дается крепкой верой и любовью, она дается трудом, ничем не пренебрегающим и борьбой с ложью в целом мире и прежде всего в себе самом. Нас отпустили отсюда со словом “союз” — но говорили нам, что этот союз для честного труда, а не для почетных наслаждений»⁸¹.

В.В. Стасов считал, что деятельность Училища правоведения имело благоприятные последствия для русского общества. По его мнению, «оно дало, что могло, оно достигло того, для чего было создано, оно заменило прежнее наше приказное племя полу-византийских сутяг и подьячих на манер Европы — образованными, честными, хорошими молодыми юристами и чиновниками (хотя иной раз и без нужды слишком по-светски налакированными и поверхностными)»⁸². Но завершая свой рассказ о годах, проведенных в Училище правоведения, Владимир Васильевич вспомнил о том, как встретил однажды в суде одного из его выпускников, совершенно неспособного к самостоятельному мышлению, и признал с горечью: «Да, я думаю, лучше всех были между нашими правоведами те, у кого всего менее было “правоведения” в голове. И тех я любил всегда всею душою, за их светлый ум, за их прекрасные дела на пользу русскому обществу и на помощь русскому человеку. В образовании их умов и характеров наше Училище, может быть, осталось и не совсем безучастно»⁸³.

⁸¹ Цит. по: Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения 1835–1910 гг.: Исторический очерк / Составил воспитанник 61 выпуска Георгий Сюзор. СПб., 1910. С. 55–57.

⁸² Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад. Стлб. 1601.

⁸³ Там же. Стлб. 1687.

Среди выпускников Училища правоведения имелось, конечно, немало людей с примитивным, шаблонным мышлением. Но вместе с тем это учебное заведение дало России много талантливых государственных деятелей, среди которых были и те, кого можно с полным основанием назвать выдающимися правоведами.

В 1841 году окончили Училище правоведения *Виктор Антонович Арцимович* (1820–1893)⁸⁴ и *Николай Иванович Стояновский* (1820–1900)⁸⁵. В 1844 году был выпущен из него *Дмитрий Александрович Ровинский* (1824–1895)⁸⁶. В 1846 году завершил обучение в нем *Константин Петрович Победоносцев* (1827–1907)⁸⁷. Все названные выпускники Училища стали видными государственными деятелями. И приняли активное участие в разработке и практическом осуществлении реформ, затеянных в начале 60-х годов императором Александром II. Они были в числе главных двигателей судебной реформы – пожалуй, самой успешной среди всех преобразований того времени.

А.Ф. Кони писал о Д.А. Ровинском в обширном очерке, характеризовавшем его деятельность: «Ученый, глубокий знаток и работник в области искусства, опытный законовед и судебный практик, писатель и блестяще образованный человек, почетный член Академии Художеств и Академии Наук и заслуженный член высшего кассационного суда – Ровинский был не только во всех отношениях выдающимся, но и в высшей степени своеобразным, цельным и интересным человеком»⁸⁸.

К.П. Победоносцев являлся столь же многосторонним человеком и прославился не только на поприще государственной деятельности, но и как правовед, автор фундаментальных трудов в области научной

⁸⁴ См.: Кони А.Ф. Виктор Антонович Арцимович (1820–1893) // Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию судебных уставов). СПб., 1914. С. 173–180.

⁸⁵ Кони А.Ф. Николай Иванович Стояновский (1820–1900). С. 91–118.

⁸⁶ Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895) // Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию судебных уставов). СПб., 1914. С. 1–78.

⁸⁷ См. биографический очерк о нем: *Томсинов В.А.* Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правовед // *Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова.* М.: Зерцало, 2012. С. 7–216.

⁸⁸ Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895). С. 2.

юриспруденции⁸⁹, и как яркий публицист, автор знаменитого «Московского сборника».

В 1855 году из Училища правоведения вышел *Константин Константинович Арсеньев*, который стал впоследствии знаменитым адвокатом, автором многих работ по правовым темам, авторитетным публицистом и общественным деятелем⁹⁰.

В 1866 году Училище правоведения окончил *Владимир Константинович Случевский* (1844–1926)⁹¹. В начале 70-х годов он служил заместителем председателя Санкт-Петербургского окружного суда А.Ф. Кони. Впоследствии Анатолий Федорович писал о нем своих мемуарах: «Товарищ прокурора и товарищ председателя Петербургского окружного суда – последний в первые годы судебной реформы являл именно тот образец обвинителя и судьи, который был начертан в мыслях и работах составителей судебных уставов. Тонкий юридический анализ преступления и беспристрастный разбор улик и доказательств, изложенные в убедительной и проникнутой достоинством форме, составляли яркое свойство его обвинительных речей и напутствий присяжным. В оценке и установлении состава судимого деяния у Случевского всегда чувствовалась обширная научная подготовка. Благодаря последней, выразившейся впоследствии в ряде юридических работ, докладов и изданий, он по праву вступил на кафедру уголовного судопроизводства в Училище правоведения и в Военно-Юридической академии, был деятельным участником комиссии по составлению нового Уголовного уложения и занял затем пост Обер-прокурора Уголовного кассационного департамента (Сената. – В. Т.)»⁹².

⁸⁹ См., например: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. В 3-х томах / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.

⁹⁰ См. список его работ и биографический очерк о нем: *Томсинов В.А.* Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) // Энциклопедия русской юридической мысли: Российские правоведы XVIII – начала XX века // Зерцало. Журнал юридической библиографии. М.: Зерцало, 1997. Вып. 2. С. 16–19.

⁹¹ См. о нем: *Томсинов В.А.* Владимир Константинович Случевский (1844–1926). Биографический очерк // Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I: Судостроительство / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. XII–XXVI.

⁹² *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов. С. 284.

* * *

Императорское Училище правоведения являлось не просто учебным заведением, в котором можно было получить хорошее общее образование и юридические знания, необходимые для судебной деятельности. Оно стало еще и школой воспитания, в которой вырабатывалась когорта судебных деятелей нового типа — образованных, честных и неподкупных, видящих свое призвание в служении Закону и Отечеству.

Выпускники Училища правоведения отличались от студентов, окончивших университеты, не только своей аристократичностью, но и братством, которое хранилось ими всю последующую жизнь. Девизом этого правоведческого братства была строка из стихотворения Горация: «*Quidquid agis prudenter agas et respice finem* (что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель». Позднее к этому девизу добавили еще один: **«Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое».**